

Е. М. КИРЮХИНА

МИР СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В «ХРОНИКАХ БРАТА КАДФАЭЛЯ» ЭЛЛИС ПИТЕРС

Объектом исследования является изображение повседневной жизни Средневековья в серии историко-детективных романов английской писательницы Эллис Питерс «Хроники брата Кадфаэля»: изображение интерьера, костюма (покроя и цвет), аксессуаров и украшений, еды, способов времяпровождения в Англии XII века. Особое внимание уделяется взаимоотношению вещи и ее создателя, творческому отношению мастера к ее созданию (рукописная книга).

Ключевые слова: *повседневная жизнь, цвет в костюме, аксессуары и украшения, времяпровождение, рукописная книга.*

Повседневная жизнь эпохи – объект интереса широкого круга исследователей, а художественная литература помогает создать яркий и запоминающийся образ времени. Книги Эллис Питерс (псевдоним Эдит Парджетер, 1913–1995) отличает бережное отношение к истории. Эта известная писательница – лауреат премий «Эдгар», «Серебряный клинок», «Алмазный клинок», была награждена королевой Елизаветой Орденом Британской империи. Ее главный труд – «Хроники брата Кадфаэля» (цикл из 21 книги), переведен более чем на 20 языков, хотя на русском языке появился сравнительно недавно (1995–1997) и практически не подвергался серьезным исследованиям¹. Одной из причин популярности писательницы стало переплетение «добротного английского классического детектива» и «средневековой романтики»².

Местом действия романов был не только город Шрусбери и Шрусберийское аббатство, но и само графство Шропшир на границе Англии и Уэльса. Время действия – XII в., война между королем Стефаном и императрицей Матильдой. Достоверность романам придает глубокое знание географии родного края³, реальных событий, характеров исторических лиц. Максимальное приближение к реальности отличает вымышленных персонажей: «...вводя в повествование вымышленные элементы, я сохраняла глубокое почтение к истории и, надеюсь, ни в чем

¹ См., например: Кирюхина. 2005. С. 214–218.

² Роговская. 1995. С. 14.

³ Graber. 2006.

не погрешила против исторической достоверности. Реальные биографии королей, графов, епископов, аббатов, валлийских принцев и датских вождей – всех тех, кто оставил в истории более или менее заметный след – мною не искажены. Но наряду с ними «Хроники» населены множеством других людей – купцами, ремесленниками, крестьянами, монахами или мелкими землевладельцами, образы которых порождены моим воображением. Я старалась добиться, чтобы они были максимально правдоподобны – жили и действовали как реальные люди той далекой эпохи»⁴. Хотя главный герой, монах Кадфаэль – вымышленный персонаж, его имя было заимствовано из исторической хроники: «Питерс часто начинает исследование своего сюжета с изучения хроники XII века, прослеживая события, в которых Кадфаэль мог бы участвовать»⁵. Это валлиец, обладающий богатым жизненным опытом (бывший участник Первого крестового похода, воин и мореплаватель), ставший монахом-бенедиктинцем в зрелом возрасте и по искреннему убеждению.

Книги Эллис Питерс представляют собой своеобразную энциклопедию средневековой Англии. Подробно описывается замок XII в. с его комнатами, службами и подземной тюрьмой⁶; манор⁷; не обойдено вниманием место последнего приюта – семейный склеп с надгробиями предков в церкви⁸. Один из любимых автором интерьеров – солар в маноре: «Свет в комнату проникал через два узких окна, возле каждого находилось по сиденью с подушками. У одной стены они увидели красивый низкий комод, у другой – изящный стол, весь покрытый резьбой, и кресло, на котором не побрезговал бы сидеть сам король. Госпожа Эмма, судя по искусной вышивке на подушках и шпалерах, прекрасно знала свое дело. В углу комнаты стояла рама с натянутым на нее неоконченным рукоделием, которое радовало глаз яркими красками»⁹. Особенно подробно описан бенедиктинский монастырь с его кельями,

⁴ *Питерс*. Введение. С. 10–11.

⁵ *Cranch*. 1993.

⁶ *Питерс*. Покаяние брата Кадфаэля. С. 227–228, 231, 269, 285–286; 289–290. См. подробное описание: *Квенеллы*. 2002. С. 134–141.

⁷ *Питерс*. Послушник дьявола. С. 144. Интересно, что пол покрыт тростником и в замке, и в доме (*Питерс*. Выкуп за мертвеца. С. 14–15; *Квенеллы*. 2002. С. 141).

⁸ «В нишу правой стены была вделана громадная каменная плита с высеченным на ней силуэтом спящего рыцаря: не иначе то был первый де Клари, ступивший на землю Англии вместе с Вильгельмом Завоевателем, прославленный в боях воин, успевший насладиться заслуженной королевской милостью» (*Питерс*. Исповедь монаха. С. 132).

⁹ Там же. С. 192. См. также описание покоев императрицы: *Питерс*. Покаяние брата Кадфаэля. С. 316.

собором, школой и скрипторием¹⁰, странноприимным домом и приютом Святого Жилия для прокаженных.

Любимые места главного героя – садик, в котором он выращивает привезенные с Востока семена диковинных растений¹¹, и сарайчик, где он хранит сушеные травы и готовит целебные снадобья¹². Известно, что монастыри выращивали душистые и лекарственные травы, которые послужили основой средневековой кухни и фармакопеи, монахи обменивались друг с другом семенами и черенками лекарственных растений, фруктов и овощей¹³. Кадфаэль «...с удовольствием составлял всевозможные сборы душистых трав и цветов. Употребляя их в самых разных сочетаниях, он смешивал нежное благоухание роз и лилий, фиалок и клевера, оттеняя их пряными ароматами руты, шалфея и полыни»¹⁴. Английские исследователи отмечают, что из растений в садике брата Кадфаэля «...большинство используются в медицине так же хорошо, как и в кулинарии. У него есть петрушка, шалфей, розмарин и тмин, но также кервель, горчица, базилик, фенхель, укроп, майоран, чежер, имбирь и мята. <...> Садик Кадфаэля и его аптека включает много цветов, которые можно найти в современных садах – водосбор, лаванду, пионы, и то, что он называет *gilver*s, что мы знаем как гвоздику полевую и гвоздику садовую. Некоторые из его трав, такие как рута и пижма, хорошо известны садоводам-травникам сейчас, но другие, такие как воробейник, вика, василек, воловик, известны гораздо реже»¹⁵.

Время действия «Хроник...» – круглый год, каждый месяц которого по-своему привлекателен: автор описывает и ежегодную ярмарку в Шрусбери, и празднование обретения мощей Святой Уинифред¹⁶. При этом Э. Питерс прекрасно осведомлена о климатических особенностях Англии XII века: в «Погребенной во льдах» описывается страшный холод накануне Рождества 1139 года.

¹⁰ Мулен. С. 256–259. См. описание бенедиктинского монастыря XII века: *Квелленлы*. 2002. С. 150–160.

¹¹ См. подробное описание трав и растений, выращиваемых в садике, с их практическим использованием в средневековье, – например, пионы выращивались ради семян, считавшихся целебными: *Уайтмен*. 1997. С. 451–466.

¹² «Он чувствовал себя как дома в этом полутемном мирке, где пахло деревом и шуршали сушеные травы. Кадфаэль проводил тут много времени, а Хью нигде так хорошо не думалось, как в сарайчике монаха» (*Питерс*. Выкуп за мертвеца. С. 65.).

¹³ Мулен. 2002. С. 242–243.

¹⁴ *Питерс*. Тень ворона. С. 234–235.

¹⁵ *Cranch*. 1993.

¹⁶ *Питерс*. Роковой обет. С. 254–267.

Многое из того, что описывается в «Хрониках...» по-настоящему красиво. Как известно, в Средние века «Красивым считалось разноцветное и блестящее, а чаще всего еще и богатое. Но вместе с тем красивое – это было доброе. Обаяние физической красоты было так велико, что она являлась не переменным атрибутом святости. Добрый Бог – это прежде всего прекрасный Бог...»¹⁷. О целительности красоты рассуждает юный брат Марк: сама улыбка прекрасной невесты, обращенная к прокаженным, «...сделает для наших подопечных больше, чем все мои осмотры и компрессы»¹⁸. И в изображении вещей Э. Питерс отдает предпочтение вещам, искусно украшенным. Действительно, в Средневековье «Многие составные части материального мира, в том числе и костюм, воспринимались как ритуальные и ценились не за красоту, а за сверхъестественные качества. Красота, пышность, яркость были дополнением к сути вещей, ее обрамлением. Меч и пояс почитали не потому, что они блистали золотом, а потому, что их власть над человеком была велика. Украшения были своего рода “даром” человека этим вещам, выражением чувства любви или способом преодолеть страх перед ними»¹⁹. Однако в «Хрониках...» орудия, которые возможно использовать для причинения вреда человеку или для убийства, как правило, находятся в негодном состоянии – посох священника с роговой рукоятью²⁰ или кинжал²¹.

Большое внимание уделяется описанию одежды. Известно, что между 1140-ми и 1220-ми годами коренным образом изменился костюм: «Мужчины, так же как и женщины, стали носить длинное платье... <...> Широко распространилось пристрастие к аксессуарам, мягким, шелковистым тканям, ярким цветам и покрою, подчеркивающим формы тела»²². Использование цвета определялось как иерархическими соображениями, так и требованиями моды. Как и ранее, выше всего ценился «цвет цвета» – красный, который имел самые различные оттенки, а также белый и зеленый: «...каждый цвет оценивался по степени яркости. Красный, белый, желтый “излучали больше света” и поэтому считались

¹⁷ *Ле Гофф*. 1992. С. 316.

¹⁸ *Питерс*. Прокаженный из приюта Святого Жилия. С. 24.

¹⁹ *Горбачева*. 2000. С. 22.

²⁰ *Питерс*. Тень ворона. С. 297–298.

²¹ «...превосходный кинжал с серебряным эфесом тонкой филигранной работы. С одной стороны удобной, округленной по руке рукояти, у самой гарды, светилась и переливалась россыпь мелких камней, а с противоположной серебряное плетение было обломано на конце» (*Питерс*. Один лишний труп. С. 421–422).

²² *Пастуро*. 2001. С. 110–111; 115–120; *Брюнель-Лабрион, Дюамель-Амадо*. 2003. С. 186–191.

самыми изысканными...»²³. Устойчивая триада красного, белого и черного, по мнению М. Пастуро, в XII в. была нарушена. Конкурентом красного становится синий, он начинает занимать доминирующее место в цветовой палитре: «В XII веке синий цвет становится излюбленным; красильщикам удается получить синий “чистый, насыщенный и яркий”. <...> Синий цвет приобретает символическую ценность, становится цветом Святой Девы и официальным цветом королей»²⁴. Хотя в «Хрониках...» упоминаются пурпурный, розовый и кремовый цвета, сочно-синий – самый любимый, богатый и нарядный. Так, мрачное великолепие сине-золотого облачения императрицы наводило на мысль о стальной броне: «Императрица сидела в высоком мягком кресле. Ее темные волосы были заплетены в толстую блестящую косу, не уложенную вокруг головы, а переброшенную через плечо. Просторное платье из темно-синего бархата оттеняло снежную белизну ее кожи. Хотя Матильда и не была коронована, выглядела она настоящей королевой»²⁵. Одновременно в «Хрониках...» приводятся ценные практические замечания: «В разное время года пользовались разными красками: в апреле и мае, как правило, красили собранным прошлым летом дроком, дававшим синий цвет, а за ним шли разные оттенки красного, коричневого и желтого, краски для которых Годфри Фуллер добывал из лишайника и марены. Годфри хорошо знал свое ремесло. Ткань, которую снимали с сукновальной рамы, имела по всей длине куска ровный, чистый цвет, окраска была прочной, и за материю можно было просить хорошую цену»²⁶.

Нарядные одежды украшены «златотканым» шитьем по горловине, манжетам и низу: «На расшитую шелком, золотой или серебряной нитью тесьму нередко нашивают еще и жемчужины и драгоценные камни»²⁷, либо искусной вышивкой: «По платью вышивали разноцветными шерстяными и шелковыми нитками, выполняя мелкие растительные узоры, выющиеся сеточки и надписи, имена и девизы»²⁸.

²³ Пастуро. 2001. С. 114.

²⁴ Брюнель-Лабришон, Дюамель-Амадо. 2003. С. 190. «Недаром английский король Карл I, лишенный престола и царских регалий, приговоренный парламентом к смертной казни, в своем последнем слове высказал единственную просьбу – быть облаченным на эшафоте в рубашу лазурного шелка. Появившись перед толпой в тунике цвета «голубой крови» на рассвете 30 января 1649 года, Карл, не произнеся ни одного слова, не сделав ни одного жеста, сумел обозначить свои особые права и защитить свою честь, что и было сразу отмечено современниками» (Горбачева. 2000. С. 49).

²⁵ Питерс. Покаяние брата Кадфаэля. С. 86.

²⁶ Питерс. Роза в уплату. С. 87–88.

²⁷ Брюнель-Лабришон, Дюамель-Амадо. 2003. С. 189.

²⁸ Горбачева. 2000. С. 88–89.

Перчатки, которые носили и мужчины, и женщины, стали живописной частью костюма: «...ни одну другую вещь так обильно не украшали, не усыпали вышивками, бусами и, наконец, пуговицами»²⁹. Перчатки из тонкой и мягкой «чудной» кожи с великолепным золотым шитьем можно было купить на ярмарке в Шрусбери³⁰. Упоминаются различные сумки и кошельки, в том числе, «...в виде кисета, известные под названием *сарацинских сумок* или *аумоньер* – *омоньеров*»³¹; застежки-фибулы: «...огромные круглые броши, иногда вставленные в оправу и украшенные сверкающими камнями, стеклянными жемчужинами и кораллами, вылавливаемыми в Средиземном море»³². Непременным дополнением женского наряда был искусно завязанный по фигуре длинный пояс³³. До середины XII в. он играл чисто декоративную роль и делался из витых шелковых, шерстяных или льняных шнуров, а во время действия «Хроник...» пояса изготавливают из кожи и тонких чеканных пластинок с подвесками художественной работы³⁴. Пояс, украшенный так искусно и богато, как ни одна из вещей в женском туалете, позволял отделить порядочную женщину от распутной, вне зависимости от ее состояния или происхождения, а снимался он только в знак траура по мужу³⁵. Поэтому, когда молодая вдова приносит на починку пришедший в негодность когда-то подаренный мужем пояс, в этом действии скрывается неосознаваемое желание начать новый этап в своей жизни: «Джудит положила на длинный стол свой требующий починки пояс – тонкую полоску мягкой, прекрасно выделанной кожи. Он был украшен маленькими бронзовыми розетками, окружавшими дырочки для языка пряжки, и на другом его конце имелась бронзовая накладка. Яркие эмалевые вставки на бронзе выглядели чистыми и новыми, однако швы на коже были потертыми и пряжка отсутствовала»³⁶.

Разнообразны женские украшения. Это кольца, серьги, жемчужные ожерелья, ожерелья из тяжелых, отшлифованных, но не ограненных камней (способ средневековой ювелирной работы)³⁷. Украшались и женские прически: «В XII веке женщины носят длинные волосы, изощряясь

²⁹ Там же. С. 94.

³⁰ Питерс. Ярмарка Святого Петра. С. 209.

³¹ Горбачева. 2000. С. 95.

³² Брюнель-Лабришон., Дюамель-Амадо. 2003. С. 189–190.

³³ Пастуро. 2001. С. 119.

³⁴ Брюнель-Лабришон, Дюамель-Амадо. 2003. С. 186.

³⁵ Горбачева. 2000. С. 113.

³⁶ Питерс. Роза в уплату. С. 43.

³⁷ Горбачева. 2000. С. 115–118.

в изобретательности по части их укладки. Волосы можно поддержать с помощью серебряного или золотого обруча, завязать узлом на затылке, укрепив с помощью ленты или тонкого изукрашенного шнура. Можно заплести косы, перевив пряди золотыми нитями...»³⁸. В прическе одна из героинь прячет секретный свиток «длиной в ладонь и толщиной в два пальца»³⁹. Все это сочеталось в праздничных и свадебных нарядах: «Иветту подняли рано, ибо ей предстоял замысловатый туалет. Агнесс и Мадлен выкупали, одели и украсили ее, взбили золотую волну ее волос и заплели дюжину блестящих косичек, затем покрыли их филигранной сетью и поверх прикрепили унизанную драгоценными камнями золотую диадему. С этой короны свисала фата из позолоченных нитей, закрывая сзади шею и плечи невесты и спускаясь на жесткое, шитое золотом платье. <...> когда туалет был завершен, ее оставили посреди комнаты в позе разряженной статуи святой, приготовленной для установки в нишу. Каждая складочка ее платья была доведена до совершенства. Боясь нарушить это великолепие, невесте приказали не двигаться»⁴⁰.

Так же искусно украшалась сбруя и упряжь коней – кожаные уздечки мягкие, украшенные бахромой, золочеными или серебряными пряжками: «Кадфаэль остановился как вкопанный, не в силах оторвать взгляд от чепрака. Тот был из толстой шерстяной ткани, расшитой переплетенными цветами. Бледно-алые розы, очевидно выцветшие, и темно-синие ирисы. В центре цветов и по краю шли золотые нитки. Чепрак был не новый, кое-где шерсть свалаялась, нитки обтрепались, и виднелись тонкие трепещущие ворсинки»⁴¹.

Самыми изысканными драгоценными материалами в то время считались золото, серебро и цветные эмали. Разноцветные эмали ценились наравне с жемчугом и самоцветами: «Ими украшали серьги, головные уборы, кольца, а самые богатые дамы носили эмалевые наборные пояса. Лучшими эмалями считались привозимые из Византии перегородчатые эмали, в которых филигранная работа по золоту сочеталась с мельчайшими вкраплениями стекловидной пасты самых насыщенных и нежных цветов»⁴². Такова крупная фибула – «...брошь старинного фасона, – несомкнутое кольцо с поперечной булавкой-язычком. У кольца были широкие расплюснутые концы с замысловатым орнаментом: фили-

³⁸ Брунелль-Лабришон, Дюамель-Амадо. 2003. С. 192.

³⁹ Питерс. Ярмарка святого Петра. С. 395. Неоднократно упоминается золоченая сеть на волосах, серебряная или алая лента в волосах.

⁴⁰ Питерс. Прокаженный из приюта Святого Жилия. С. 174–175.

⁴¹ Питерс. Выкуп за мертвеца. С. 300.

⁴² Горбачева. 2000. С. 114.

гранный узор золотом по эмалевой поверхности – извивающиеся тела сказочных животных, которые с первого взгляда показались ей переплетенными растениями, но, взглядевшись попристальнее, она поняла, что это скорее всего все же змеи. На ромбовидной головке серебряного язычка-булавки был выгравирован и покрыт эмалью стилизованный цветок; заостренный конец булавки выступал за пределы кольца на длину мизинца Айсуды, а само кольцо было величиной с ее ладонь»⁴³.

Из золота в «Хрониках...» – дорогие или старинные украшения: «...тоненькое золотое колечко, выполненное в виде свернувшейся спиралью змейки, в глаза которой были вставлены красные камушки»⁴⁴, однако встречаются и явно безвкусные. Вещи из серебра, как правило, имеют большую художественную ценность. Видимо, поэтому они становятся дарами церкви. Среди вклада в монастырь упоминаются вещи из серебра, украшенные растительным орнаментом в виде листьев винограда и папоротника, а также виноградных лоз⁴⁵.

На протяжении «Хроник...» мы видим не только, как одеваются, но и как питаются люди Средневековья. Горячее мясо, приправленное пряным соусом, – для состоятельных людей; мастеровые удаиваются хлебом с беконом и сыром. Подробно описывается рацион монахов. Они едят хлеб, сыр, лук, эль или яблоки и сыр⁴⁶, а на сладкое – собранные самими сливы. Они используются как свежими, так и в виде повидла или клейких сладких тянучек⁴⁷. Даются способы приготовления горячительного напитка–посета и целебного питья для больных⁴⁸.

Согласно уставу, монахи трудились по семь часов в день. Автор описывает круг сельскохозяйственных работ: зимой – починка кровли и сбрасывание снега⁴⁹; осенью – сбор плодов с фруктовых деревьев⁵⁰; перекапывание земли, унавоживание почвы, обрезка деревьев⁵¹. В то же время Знатные люди отстаивают справедливость на Божьем суде в виде яростного поединка⁵², пируют: «В тот вечер дамы приглашены не были

⁴³ *Питерс*. Послушник дьявола. С. 361.

⁴⁴ *Питерс*. Сокровенное таинство. С. 298.

⁴⁵ Там же. С. 270–271. Прекрасный дар для украшения алтаря – подсвечники в виде цветущих лилий: «У каждого лепесточка даже прожилки были видны – ну точь-в-точь как у живого растения». *Питерс*. Необычный монах. С. 94.

⁴⁶ *Питерс*. Послушник дьявола. С. 212.

⁴⁷ *Питерс*. Сокровенное таинство. С. 64.

⁴⁸ См. об этом: *Мулен*. 2002. С. 109.

⁴⁹ *Питерс*. Исповедь монаха. С. 14–15.

⁵⁰ *Питерс*. Послушник дьявола. С. 44.

⁵¹ *Питерс*. Тень ворона. С. 63–64.

⁵² *Питерс*. Один лишний труп. С. 450–470.

– гости собрались для обсуждения политических и военных вопросов, однако пиршественный зал ратуши был украшен позаимствованными для этой цели драпировками и ярко освещен светильниками. <...> Со своего места, позади кресла Хериберта, стоявшего на помосте за королевским столом, Кадфаэль оглядел битком набитый зал и прикинул, что гостей набралось человек пятьсот. Он поискал глазами Берингара и нашел его за столом пониже. Хью был в пышном наряде, любезный и оживленный, и прекрасно владел собой... <...> Когда унесли последнюю перемену блюд и в зале заиграли музыканты, а на столах осталось только вино, слуги, в свою очередь, получили возможность полакомиться остатками королевской трапезы, а повара с поварятами разбрелись по укромным уголкам и принялись за угощение»⁵³. Менее знатные принимают участие в ярмарочных состязаниях: «В последний день ярмарки обычно устраивались состязания: силачи боролись, а стрелки соревновались в меткости на прибрежных лугах. Лучникам и арбалетчикам частенько случалось потягаться друг с другом, хотя здесь, в порубежных землях, чаще использовали не английский лук длиной в шесть футов, который натягивают к уху, а короткий валлийский, натягивавшийся к груди. На вымощенном дворе замка устраивали конные состязания. Всадники похвалялись умением на полном скаку поразить копьём укрепленную на шесте мишень»⁵⁴. Дети в своих забавах подражают взрослым: «Жиль был счастливым обладателем хитроумной игрушки – двух вырезанных из дерева ярко раскрашенных рыцарей с укрепленными на шарнирах конечностями. Стоило подергать за нити, как рыцари начинали приплясывать и рубить друг друга мечами с чрезвычайно кровавым видом»⁵⁵. С нескрываемым уважением относится Эллис Питерс к дару певцов, музыкантов и актеров. Хотя к последним было неоднозначное отношение в Средневековье, умудренный опытом Кадфаэль откровенно восхищается ими. Особое внимание уделяется игре на псалтерионе⁵⁶: «...он вынул небольшой псалтерион, напоми-

⁵³ *Питерс*. Один лишний труп. С. 418–421. См. также описание пира у Овейна Гуиннедского: *Питерс*. Покаяние брата Кадфаэля. С. 69–92.

⁵⁴ *Питерс*. Ярмарка Святого Петра. С. 297.

⁵⁵ *Питерс*. Сокровенное таинство. С. 320–321. См. подобное описание: *Виолле-Дюк*. 1997. С. 317; *Квенеллы*. 2002. С. 186.

⁵⁶ «Античный *псалтерион* (*psalterion*) – струнный инструмент треугольной формы, отдаленно напоминающий наши гусли. В средние века форма инструмента меняется – на миниатюрах представлены и квадратные псалтерионы. Играющий держал его у себя на коленях и перебирал пальцами или плектром двадцать одну струну (диапазон инструмента – три октавы). <...> В средневековой французской литературе псалтерионы начинают упоминаться с начала XII в., <...>, играли на них не только

навший формой и размером крупное свиное рыло. <...> Юноша взял в руки настроенный ключ, лежавший в сундуке вместе с инструментом, и принялся подкручивать колки, подтягивая сделанные из кишок струны. <...> Тутило склонил голову над псалтерионом, затем резко, словно падающий на добычу сокол, склонился еще ниже и стал играть, перебирая струны своими проворными пальцами. Старая дека, казалось, вот-вот развалится на куски под напором звуков, она была настолько переполнена ими, что звукам, чтобы вырваться наружу, мало было вырезанного в виде розы отверстия в ее центре. <...> Искрометный, вихревой танцевальный ритм, страстный, как танец пушинки чертополоха на ветру, сменился медленной, ласковой мелодией, куда более подходящей для такого нежного инструмента, как псалтерион, – нечто чуть печальное, вроде вириле, монотонное и грустное. <...> Леди Доната не знала южно-французского наречия, да и Кадфаэль давным-давно позабыл его, однако они не могли не понять, что это была песня о любви – грустной, неразделенной, безысходной любви в разлуке»⁵⁷.

Эллис Питерс поэтизирует действия людей, в которые они вкладывают свою душу. Это может быть и интимность полуночной молитвы, и домашнее вышивание, и работа в скриптории: «Он работал уверенно, точно и аккуратно – тонкие мазки ложились на лист пергамента, в причудливый орнамент влетали, будто живые, яркие и нежные цветы, а буквы окружала изысканная вязь, нанесенная легкими, словно осенняя паутинка, штрихами»⁵⁸. Работа по изготовлению какой-либо вещи становится творчеством, если мастер вкладывает в свое творение частичку себя. Вот как один из героев делает дароносицу: «Он хранил свою святыню завернутой в кусок золотой парчи, а я задумал изготовить маленький ковчежец, как раз по размеру реликвии. Получилась такая шкатулочка с крышечкой на шарнире. Я ее сделал из грушевого дерева, все подогнал как следует, хорошенько ее отполировал, а на крышке выложил изображение Пресвятой Девы – фигурка из серебра и перламутра, а мантия из лазурита. По-моему неплохо вышло»⁵⁹ (в последней фразе звучит наивное удовлетворение созданным).

Венцом человеческого творения выступают рукописные книги. Подробно описывается шедевр книжного искусства – Псалтырь царя

менестрели, но и женщины – благородные дамы и их свита. К XIV в. псалтерион постепенно сходит со сцены, уступая место клавишину» (*Виоле-ле-Дюк*. 1997. С. 345–346).

⁵⁷ *Питерс*. Святой вор. С. 38–44.

⁵⁸ *Питерс*. Сокровенное таинство. С. 284.

⁵⁹ *Питерс*. Монашій капюшон. С. 196. См. также работу мастера над искусной пряжкой женского пояса: *Питерс*. Роза в уплату. С. 76.

Давида, сделанный ирландским монахом Диармидом из монастыря Святого Галла по велению императора Оттона на случай женитьбы его сына Оттона, принца Римской империи, на принцессе Византии Теофании. Книга заключена в старинную деревянную шкатулку с резьбой и узором на пластине из слоновой кости. Ее переплет, первые и последние листы – из пурпурного пергамента, а остальные страницы – очень тонкой выделки почти белого цвета. На фронтисписе изображен царь Давид на троне. Тонкость, изящество, почти воздушность отличала письмо – ирландский минускул: «С благоговением он стал перелистывать страницу за страницей, углубляясь в белую, как слоновая кость, толщу, где буквы были не золотыми, но насыщенно-голубыми, а цифры и заглавные буквы ярко окрашены и обрамлены узором из самых разных луговых цветов, выющихся роз и травок размером не более ногтя, где птицы пели в ветвях не толще волоска, а робкие животные прятались в цветущих кустах. Крохотные, изящно выписанные дамы читали, сидя на дерне под ветвями роз-энглатерий. Золотистые фонтаны играли в бассейнах из слоновой кости, лебеди плавали в кристально чистых потоках, и крохотные кораблики отправлялись в плавание по океану размером в слезинку»⁶⁰. На последней странице книги был изображен рай: «...все сияло золотом; обитатели небес, рая и земли были выписаны такими же изящными, тонкими линиями, как и обрамлявшие их усики выющихся роз, виноградных лоз и жимолости; а небеса над ними были такими же ярко-синими, как ирисы и барвинки под их ногами. Концы ангельских крыльев таяли и растворялись в ослепительном сиянии, как в завесе, скрывшей от взора непостижимое таинство»⁶¹.

Как пишет В. Н. Топоров, между вещью и человеком, ее сотворившим, складываются особые отношения: созданная искусственно *мыслящей* рукой человека, она зависит от человека, ее «отца-родителя»; «Беззащитная и бессловесная, вещь отдается под покровительство человека и рассчитывает на него. <...> Это ощущение «теплоты» вещи отсылает к теплоте отношения человека к вещи, а эта последняя теплота – как знак окликнутости человека не только Богом сверху, но и вещью снизу. Бог окликает человека как Отец. Вещь окликает его как дитя, нуждающееся в отце»⁶². Таково описание личной печати в романе «Покаяние брата Кадфаэля»: «С чем человек расстается в последнюю очередь, – промолвил в ответ монах, – так это со своей печатью. Ведь

⁶⁰ *Питерс*. Ученик еретика. С. 435–436.

⁶¹ Там же. С. 436.

⁶² *Топоров*. 1995. С. 33.

уступая ее, он как бы уступает свои права, доверяет кому-то свою честь и доброе имя <...>. Резьба была искусной и тонкой – маленькие язычки пламени вокруг саламандры с раскрытой пастью и высунутым языком. Голова саламандры была обращена влево <...>. Казалось, что за странным зеркальным отображением кроется мрачная тайна. Кадфаэлю даже почудилось, будто окружавшие саламандру языки пламени всколыхнулись, ожили и лизнули его пальцы, словно зывая к нему»⁶³.

Эпоха Средневековья предстает в «Хрониках брата Кадфаэля» во всем великолепии ее повседневной жизни. Но самые любимые описания мест, вещей, способа времяпровождения связаны с тем, во что человек вкладывает самого себя, частичку своей души. «Счастье, – подумал брат Кадфаэль, – зависит вовсе не от великих свершений, оно складывается из милых сердцу мелочей, на первый взгляд – пустяков. Это те самые вехи, которыми помечен наш земной путь, и, наверное, о них вспоминает смертный, готовясь смиренно ступить за предел земного бытия»⁶⁴. Именно это привлекает не только историка, но и любого современного мыслящего читателя к романам Эллис Питерс.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Брюнель-Лабришон Ж., Дюамель-Амадо К* Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII веков / Пер. с фр., предисл. Е. Морозовой. М.: Мол. гвардия, 2003. 414 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
2. *Виоле-ле-Дюк Э. Э.* Жизнь и развлечения в средние века / Культура средних веков в памятниках исторической мысли Франции / Пер. с фр. М. Ю. Некрасова; вступ. ст. А. Н. Кирпичникова.; ред. Н. И. Милетенко.; сост. С. Е. Еременко. СПб.: Евразия, 1997. 384 с.
3. *Горбачева Л. М.* Костюм средневекового Запада: От натальной рубахи до королевской мантии. М.: ГИТИС, 2000. 232 с.
4. *Квенеллы М. и Ч. Г. Б.* Повседневная жизнь в Англии во времена англосаксов, викингов и норманнов / Пер. с англ. Т. В. Ковалевой; науч. ред. и вступ. ст. М. Г. Муравьевой. СПб.: Евразия, 2002. 384 с.
5. *Кирюхина Е. М.* Историческая реальность и художественный вымысел в «Хрониках брата Кадфаэля» Эллис Питерс // Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского: XIV чтения памяти С. И. Архангельского. 25–26 февраля 2005 г. Часть 1. Н. Новгород: НГПУ, 2005. С. 214–218.
6. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. Е. И. Лебедевой, Ю. П. Малинина, В. И. Райцес, П. Ю. Уварова; общ. ред. Ю. Л. Бессмертного; послесл. А. Я. Гуревича. М.: Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

⁶³ *Питерс.* Покаяние брата Кадфаэля. С. 171–172.

⁶⁴ *Питерс.* Сокровенное таинство. 1996. С. 361.

7. Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы. X – XV века / Пер. с фр. Т. А. Чесноковой под ред. В. Д. Балакина; науч. ред. и послесл. Т. Д. Сергеевой. М.: Мол. гвардия, 2002. 346 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
8. Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола / Пер. с фр. М. О. Гончар; науч. ред., коммент и послесл. Т. Д. Сергеевой; предисл. А. П. Левандовского. М.: Мол. гвардия, 2001. 239 с. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
9. Пютерс Э. Введение // Уайтмен Р. Мир брата Кадфаэля: Справочник-путеводитель по сериалу / Пер. с англ. В. Волковского. СПб.: Азбука-Терра, 1997. С. 10–12.
10. Пютерс Э. Выкуп за мертвеца. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 381 с.
11. Пютерс Э. Исповедь монаха. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 397 с.
12. Пютерс Э. Монаший капюшон. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 445 с.
13. Пютерс Э. Необычный монах. СПб.: Азбука-Терра, 1997. 264 с.
14. Пютерс Э. Один лишний труп. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 475 с.
15. Пютерс Э. Покаяние брата Кадфаэля. СПб.: Азбука-Терра, 1997. 492 с.
16. Пютерс Э. Послушник дьявола. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 429 с.
17. Пютерс Э. Прокаженный из приюта Святого Жилия. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 445 с.
18. Пютерс Э. Роза в уплату. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 413 с.
19. Пютерс Э. Роковой обет. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 429 с.
20. Пютерс Э. Святой вор. СПб.: Азбука-Терра, 1997. 476 с.
21. Пютерс Э. Сокровенное таинство. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 461 с.
22. Пютерс Э. Тень ворона. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 429 с.
23. Пютерс Э. Ученик еретика. СПб.: Азбука-Терра, 1996. 445 с.
24. Пютерс Э. Ярмарка Святого Петра. СПб.: Азбука-Терра, 1995. 445 с.
25. Роговская Н. Если бы Шерлок Холмс жил в XX веке, его звали бы брат Кадфаэль... // Книжное обозрение. 1995. № 33. 15 августа. 14 с.
26. Уайтмен Р. Мир брата Кадфаэля: Справочник-путеводитель по сериалу / Пер. с англ. В. Волковского. СПб.: Азбука-Терра, 1997. 480 с.
27. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.
28. Cranch Robbie. Mystery in the Garden: Interview with Ellis Peters // The Herb Companion. Ogden Publications. [December/January 1993]. URL: <http://www.herbcompanion.com/UnCategorized/Mystery-in-the-Garden.aspx?page=4>. (время доступа 20.03.2010).
29. Graber Rebecca. The Cadfael Books by Ellis Peters // Bookslut. [May 2006]. URL: http://www.bookslut.com/fiction/2006_05_008757.php. (время доступа 20.03.2010).

Кирюхина Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории России Нижегородского педагогического университета; elenakiruhina@gmail.com